

МЕТОДОЛОГИЯ

*И.В. СТАРОДУБРОВСКАЯ***Драма модернизационной теории*.****Статья 1. Модернизация как рецепт и как проблема**

В статье рассматривается драматичная история развития модернизационных теорий на двух этапах: теория модернизации в узком смысле, сформировавшаяся в США после Второй мировой войны, и ранние модернизационные теории последней трети XIX – первой половины XX в. Обобщается, что основной недостаток теории модернизации в узком смысле – попытка использовать ее как универсальный рецепт развития. Демонстрируется, что кризис теории модернизации в узком смысле привел к недооценке и искаженному представлению о ранних модернизационных теориях, потенциал которых в результате до сих пор недоиспользуется. Это относится к такой проблеме, как соотношение урбанизации и социальной модернизации, а также к анализу трудностей и конфликтов модернизационного перехода.

Ключевые слова: модернизация, традиционное общество, современное общество, урбанизация, anomia, культурный конфликт.

DOI: 10.31857/S086904990003946-2

“Модернизация? Это слово даже произносить неприлично!” – с такой реакцией я столкнулась, когда сказала достаточно известному ученому, работающему за рубежом, что исследую ситуацию на Северном Кавказе в рамках модернизационной парадигмы. Для меня подобное восприятие было неожиданным. В России, где все мы более или менее вышли из “Капитала” Маркса, взгляд сквозь призму модернизационной теории – достаточно комфортный способ восприятия социальной реальности, а задача модернизации России – привычный вариант целеполагания. Между тем в мировой науке отношение к теории модернизации по меньшей мере неоднозначно.

В настоящей статье я хочу рассмотреть два подхода к модернизационной теории – тот, благодаря которому подобная парадигма в западной науке оказалась во многом дискредитирована, и другой, в чем-то схожий, но и в чем-то существенно отличный от него подход, характерный для ранних модернизационных теорий. Сопоставление данных подходов поможет в поиске ответов на ключевые вопросы, связанные с модернизацион-

* Статья подготовлена по материалам научно-исследовательских разработок Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара 2018 г. “Сельские сообщества Северного Кавказа – модели адаптации к разрушению традиционной культуры”.

Стародубровская Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, руководитель научно-го направления “Политическая экономия и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: 125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: irinas@iep.ru

ной парадигмой. На чем основано подобное изложенному выше отношение к теории модернизации? Действительно ли модернизационная теория в целом безнадежно устарела и не может использоваться для проведения социального анализа? Либо кое-что из научного багажа модернизационных теорий неоправданно исключено из исследовательского инструментария?

“Модернизация как рецепт” — модернизационная теория в узком смысле

Термин “модернизация” стал широко использоваться в 1950-е гг. В этот период в США была предпринята попытка разработки масштабной теории, ставящей своей целью объяснить эволюцию развития человечества и наметить те направления, которые позволили бы отсталым странам преодолеть свойственные им проблемы. Надо сказать, что запрос на подобную теорию далеко не ограничивался чисто академическим интересом¹. Ее формирование осуществлялось в период, когда страны так называемого “третьего мира” массово освобождались от колониальной зависимости, определяли свое будущее. И это происходило в условиях “холодной войны” и острой конкуренции с Советским Союзом на международном арене. Коммунистическая идеология, советская модель представляли собой реальную альтернативу западной для постколониальных государств. Необходим был собственный рецепт, конкурентоспособный по отношению к советскому. Собственно, именно эту роль и пыталась играть теория модернизации.

В ее основе лежало разделение на традиционные и современные, современные, общества, каждое из которых характеризовалось определенным набором универсальных признаков, носящих взаимоисключающий характер. Так, «“традиционное” общество часто изображалось как статичное, с незначительной дифференциацией или специализацией в совокупности с низким уровнем урбанизации и грамотности, в то время как “современное” общество рассматривалось как общество с очень высоким уровнем дифференциации, урбанизации, грамотности и воздействия коммуникации через СМИ. В политической сфере традиционное общество изображалось как основанное на “традиционной” элите, управляющей по божественному мандату, а современное общество рассматривалось как базирующееся на широком участии масс, которые не соглашались с какой-либо традиционной легитимацией правителей и которые обеспечивают подотчетность этих правителей с точки зрения секулярных ценностей и эффективности. Кроме того, традиционное общество по определению ограничено культурным горизонтом, определяемым его традициями, в то время как современное общество отличается культурной динамикой и ориентацией на изменения и инновации» [Eisenstadt 1973, p. 261].

При этом признаки современных обществ были списаны с современных западных стран, в первую очередь Соединенных Штатов, причем в сильно идеализированном виде, на что не без сарказма обращали внимание позднейшие исследователи модернизационной теории. “Для теоретиков модернизации модерн предполагал богобоязненное, но светское общество, где вопросы расы и гендера не имеют особого значения; основанную на частной собственности и при этом полной занятости экономику с высокими зарплатами рабочих, которые в массе имеют в собственности дом и машину и живут в нуклеарных семьях; а также формально демократическую систему, где существует консенсус по целям общества, которые в деталях будут разработаны технически образованной бюрократической элитой” [Gilman 2003, p. 15]. Что касается традиционных обществ, то их характеристики во многом конструировались “от противного” — «определение “традиции” формулировалось не на основе наблюдений, но скорее как гипотетическая антитеза “модерну”» [Tippis 1973, p. 212]. Общества, вступившие в процесс модернизации, рассмат-

¹ Как указывают исследователи, во время Второй мировой войны возникла ситуация, которую характеризуют близкие связи между истеблишментом в социальных науках и правительственными чиновниками и “соответствие развития социальных наук запросам национальных правительств в сфере разведывательной деятельности и политики” [Wilcox 2006, p. 113].

ривались как переходные, и их прогресс измерялся различными индикаторами модернизации в экономической, политической, социальной сферах, отражавшими продвижение в направлении к идеальной модели – только общее описание этих индикаторов занимает в книге Ш. Эйзенштадта две страницы [Eisenstadt 1973, p. 23–25]. Причем считалось, что модернизация – комплексный, всесторонний процесс, и если традиционным обществам может быть присуще определенное разнообразие, то конечный результата модернизации будет универсален.

Теоретики модернизации неизбежно должны были как-то отнестись к своему конкуренту – коммунистической идеологии – и ее основному носителю – Советскому Союзу. Здесь их позиция сводилась к тому, что коммунизм не является антимодернизационной идеологией, что он представляет собой искаженный, патологический путь к модерну. “Коммунизм – это не предвосхищение будущего, это болезнь переходного периода, которую хорошо обученные, хорошо организованные кадры стремятся навязать обществам на ранних стадиях модернизации” [Rostow 1964, p. 85], а потому необходимо всячески ограничивать “распространение болезни”. В то же время модель модерна оставалась универсальной, и предполагалось, что коммунистические страны также рано или поздно достигнут этого идеала в результате конвергенции.

Поскольку теория модернизации была не чисто интеллектуальным упражнением, но предполагала практическое внедрение, возник вопрос, кто должен быть агентом перемен в постколониальных государствах, обеспечивающим реализацию прогрессивных изменений. Изначально считалось, что народы этих стран будут благосклонно принимать идею модернизации. Некоторые теоретики вообще воспринимали сопротивление модернизационным процессам как психопатологию сродни подростковому девиантному поведению. Однако с течением времени становилось ясно, что преобразования нередко приводят к существенной нестабильности и катаклизмам в тех странах, где они проводятся. «Вместо эволюции в направлении свободной конкуренции и демократии наблюдается “эрозия” демократии и тенденция к установлению авторитарных военных или однопартийных режимов. Вместо стабильности мы видим перевороты и мятежи. Вместо объединяющего национализма и строительства нации – непрекращающиеся этнические конфликты и гражданские войны. Вместо институциональной рационализации и дифференциации нередко происходит распад административных организаций, унаследованных от колониальной эпохи, и ослабление и разложение политических организаций, сформировавшихся в ходе борьбы за независимость» [Хантингтон 2004, с. 87–88].

Столкнувшись с подобным вызовом, адепты модернизации в первую очередь жертвовали такой модернизационной ценностью, как демократия. Господствующей стала логика “сперва модернизация, потом демократия”. Теории модернизации становились все более авторитарными. Считалось, что диктатура развития, несмотря на все ее издержки, лучше слабых и уязвимых демократий способна “заставить человека быть свободным”. Соответственно, ставка стала делаться на харизматического или военного лидера как лучший вариант обеспечения условий для модернизации. Армия начала рассматриваться как серьезная модернизационная сила. Утверждалось, что для обеспечения политического порядка и стабильности “у коммунистов есть партийная дисциплина, Запад должен считаться с военной дисциплиной” [Gilman 2003, p. 189].

Подобный подход естественным образом допускал навязывание модернизационных моделей силовым путем. Так, У. Ростоу считал, что на этапе формирования предпосылок к качественному модернизационному скачку (в его терминологии – предпосылок “взлета”) возникают наиболее серьезные проблемы, поскольку социальные сдвиги в рамках традиционного общества и связанная с этим психологическая незащищенность усиливаются, но при этом проявляются лишь немногие конкретные материальные достижения модернизации. Именно здесь угроза коммунизма как патологической формы организации современного государства максимальна, и ей надо наиболее активно противодействовать. Для этого Ростоу предлагал оказывать странам, находящимся на стадии формирования предпосылок к “взлету”, широкую экономическую помощь, а также вооруженным путем противостоять сторонникам коммунистической идеологии. Именно подоб-

ные подходы он стремился продвигать и в практической политике². Несмотря на то, что сам Росту это отрицал, за ним прочно закрепилась репутация политического ястреба, одного из самых активных сторонников и даже архитекторов войны во Вьетнаме.

Все более нарастающее неприятие модернизационной теории, в том числе и со стороны ее бывших сторонников, начинается с середины 1960-х гг., и в начале 1970-х эта теория фактически сходит со сцены. С чем связана подобная ситуация? С одной стороны, усиливалась концептуальная критика теории модернизации, свойственной ей абстрактности и идеологичности. Эта критика велась как слева, так и справа. В качестве левой альтернативы выдвигалась теория зависимости, утверждающая, что слаборазвитость постколониальных государств навязана им искусственно, она – не следствие их собственных внутренних проблем, а результат политики богатых стран, эксплуатирующих бедных и закрепляющих их структурную зависимость, роль мировой периферии. Вместо политики модернизации рецептом становится отгораживание от мирового рынка, ориентация на импортозамещение. Одновременно усиливалось влияние неолиберальной идеологии, последовательно отвергавшей социальную инженерию и делавшей ставку на стимулы, создаваемые рынком. И хотя здесь рецепты были диаметрально противоположными рекомендациям теории зависимости, они также не сочетались с модернизационной парадигмой.

С другой стороны, становилось все более очевидным, что практическая реализация концепции модернизации в постколониальных странах приводила не к тем результатам, которые прогнозировали ее сторонники, а часто к диаметрально противоположным. Началось разочарование в недавно столь многообещающей теории, заговорили о проблемах срыва модернизации. Широкое движение общественного протеста вызвало военное вмешательство США в развивающихся странах, в первую очередь во Вьетнаме, которое напрямую связывалось с реализацией модернизационной парадигмы. Ощущение собственной ответственности ученых за происходящие в мире жестокости и несправедливости как последствия навязывания модернизационной траектории развития, судя по всему, также оказало свое влияние. «Теоретиков модернизации по человечески потрясла волна насилия, захлестнувшая многие районы развивающегося мира с началом движения к вождельной “современности”. Следовавшие здесь один за другим политические перевороты и социальные потрясения сопровождались многочисленными жертвами и отбрасывали развивающиеся страны далеко назад от идеальных целей» [Гордон 2004, с. 7–8].

Судьба модернизационной теории показала недопустимость линейных, упрощенных, идеализированных подходов к общественному развитию, особенно когда они становятся “руководством к действию” и определяют практическую политику. При этом крах теории модернизации, судя по всему, был немаловажным фактором отказа от метанарративов в общественных науках в целом. Предпочтение стало отдаваться разработке локальных тем, не способных объяснить значимые общественные явления. В результате “великий проект остался в прошлом, но... не возникло ничего сопоставимого, чтобы его заменить” [Gilman 2003, p. 253]. Более того, сами метанарративы стали рассматриваться как идеологизированные схемы, формируемые в интересах определенных групп и отражающие субъективные представления исследователей.

Если бы теории модернизации ограничивались вышеизложенным, на этом можно было бы поставить точку. Однако это не так. Модернизационная парадигма развивалась как до, так и после рассмотренного выше периода. И чтобы понять ее реальный эвристический потенциал, необходимо рассмотреть другие понимания модернизации, не сводимые к линейным упрощенным схемам.

² Росту был не только академическим ученым. При президентах Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне он занимал высокие государственные должности и мог непосредственно влиять на внешнюю политику США. Кеннеди назначил Росту заместителем помощника президента по национальной безопасности. При Джонсоне он вначале был членом Межамериканского Комитета по взаимодействию ради прогресса, а затем занял пост советника по вопросам национальной безопасности.

“Модернизация как проблема” — ранние теории модернизации

Теории модернизации появились задолго до возникновения самого этого термина. И связаны они с именами очень известных ученых — основателей социологической науки. Собственно, социология как наука началась с исследования того, как традиционные общества превращаются в современные. Это дало возможность послевоенным теоретикам модернизации активно привлекать более ранние исследования, давая им собственную трактовку для обоснования своих выводов. Так, популяризация идей М. Вебера во многом связана с публикацией его трудов на английском языке в переводе и с комментариями Т. Парсонса. При этом “парсонизация” Вебера состояла прежде всего в интерпретации его мировоззрения как утверждения универсальности индустриально-капиталистической цивилизации западного образца с ее основными духовными ценностями [Зарубина 1997, с. 47]. В результате крах модернизационной теории в узком смысле бросил тень и на более ранние исследования в данной сфере.

В то же время нельзя отрицать действительную общность определенных подходов в рамках более ранних и более поздних теорий модернизации. Для обоих периодов характерно противопоставление традиционного и современного общества, их основных характеристик; понимание традиции как барьера на пути модернизации, в определенной мере — культурный детерминизм. Можно предполагать, что построение анализа в ранних модернизационных теориях на основе “идеальных типов”, иногда сформированных достаточно произвольно, создало базу для упрощенного представления о соотношении традиционного и современного общества в дальнейшем³.

Однако это не является основанием для того, чтобы не замечать существенных отличий в развитии модернизационных теорий в эти периоды. И наиболее принципиальное из них состоит в том, что основатели социологии совершенно по-другому рассматривали сам характер стоящей перед ними проблемы. Они не стремились учить кого-либо, как надо и как не надо развиваться⁴, в их работах вы не найдете советов модернизирующимся элитам или индикаторов модернизации. Они видели реальную трансформацию общественных отношений и анализировали эту трансформацию, пытаясь нащупать ее закономерности и последствия. Причем часто относились к происходящему с неприятием и тревогой. Но, что наиболее важно, не стремясь превратить результаты собственных исследований в политические рекомендации, не делая из модернизации рецепта, они смогли гораздо более объективно посмотреть на характер и проблемы модернизационной трансформации общественных отношений, выделив те ее моменты, которые во многом недоучитывались в теориях модернизации в узком смысле и не всегда принимаются во внимание вплоть до настоящего времени.

³ При этом необходимо признать, что авторы ранних модернизационных теорий вполне понимали ограниченность такого аналитического инструмента, как “идеальный тип”. Так, Р. Редфилд, описывая то, что он считал идеальным типом примитивного либо народного общества, характеризовал это общество как изолированное, неграмотное, гомогенное, с сильным чувством групповой солидарности, построенное на родственных связях, с отсутствием критического мышления, где религиозное превалирует над светским. На первый взгляд, это очень напоминает подходы, характерные для теории модернизации в узком смысле. Однако на самом деле его позиция была гораздо более гибкой. Для начала Редфилд рефлексировал по поводу того инструментария, который он использует для анализа. Для него идеальный тип — это ментальная конструкция, которая формируется следующим образом: 1) она объединяет характеристики, противоположные тому, что можно наблюдать в современных городах; 2) для выделения этих характеристик она требует изучения многочисленных примитивных обществ, чтобы понять, что их объединяет такое, чего мы не находим в современных городах. То есть идеальный тип не должен совпадать с описанием какого-то конкретного общества. При этом Редфилд прекрасно видел сложности, связанные с использованием этого инструментария. Так, чем детальнее мы описываем идеальный тип, тем более оторванным от жизни он становится, тем сложнее соотнести его с реальными примерами. Он признавал, что конкретные общества могут существенно отличаться от идеального типа, и в определенных обстоятельствах их жители могут быть индивидуалистичны, предприимчивы и, возможно, даже не религиозны [Redfield 1947].

⁴ Нельзя сказать при этом, что авторы ранних модернизационных теорий не ставили перед собой общественно значимых задач. Так, социологи Чикагской школы считали, что социология поможет “понять и принять” модернизацию, объяснить, что делать с теми силами, которые столь быстро видоизменяли Соединенные Штаты в конце XIX — начале XX в. [Wilcox 2006, p. 23, 26].

Во-первых, надо отметить, что авторы ранних модернизационных теорий гораздо более четко понимали предмет своего анализа. На чем бы они ни останавливались – на особенностях традиционного общества, характере разделения труда, изменении систем расселения, глобализационных процессах – они делали акцент именно на моделях взаимодействия между людьми и тех социальных регуляторах, которые эти модели определяют. То есть базово их анализ носил институциональный характер.

Во-вторых, стремясь исследовать естественные процессы, а не политику властей, они нащупали тот центральный момент, который, собственно, предопределяет неизбежность модернизационной трансформации в социальной сфере. Это – миграция населения в крупные города. Ф. Теннис разделял деревню и город (имеется в виду средневековый город⁵) как воплощение общности, сохраняющей определенные признаки семьи, и крупный город как воплощение общества, мир индивидуализма, контрактов и конфликтов. В качестве его наиболее развитой формы он рассматривал мировой город, который “воплощает в себе мировой рынок и мировые средства сообщения, в нем сосредоточиваются отрасли мировой промышленности, его газеты пестрят новостями со всего мира, и люди со всех краев земного шара собираются в нем, гонимые своей жадной денег и наслаждений, своей любознательностью и любопытством” [Теннис 2002, с. 372]. Для Чикагской социологической школы, теоретики которой также считали, что “о начале того, что отличает модерн в нашей цивилизации, лучше всего сигнализирует рост крупных городов” [Wirth 1938, p. 1], один из таких городов – Чикаго – стал основным объектом анализа.

В качестве “визитной карточки” представлений о городе в рамках данных теорий стала восприниматься статья Л. Вирта “Урбанизм как образ жизни”. В рамках изложенной Виртом позиции, за свободу и индивидуализм горожанину приходится платить весьма высокую цену: “...в то время как индивид выигрывает, с одной стороны, определенную степень эмансипации или свободы от личного и эмоционального контроля близких ему групп, он теряет, с другой стороны, спонтанность самовыражения, мораль и ощущение участия, которое дает жизнь в интегрированном обществе” [Wirth 1938, p. 12–13]. Подобная глубоко депрессивная картина положения горожанина как песчинки в крупном городе – одиночество, душевная пустота, отчужденность, деперсонализация, нестабильность и незащищенность – вызвала критическое отношение более позднего поколения исследователей городской жизни. Они справедливо отмечали, что городской и сельский образы жизни отличаются не столь разительно, и “большинство горожан везде достигают достаточно эффективных отношений солидарности с некоторыми соседями, родственниками и друзьями” [Southall 1973, p. 7]; что “в одном и том же городе могут сосуществовать много образов жизни” [Lewis 1973, p. 135], построенных на разных основаниях – различных ценностях, практиках, степени разрыва с сельской традицией. Но можно ли на этой основе делать вывод, что городские исследования авторов ранних теорий модернизации неадекватны либо по меньшей мере устарели?

На самом деле это не так. Дело в том, что статья Вирта, о которой идет речь, в концептуальном плане очень сильно отличается как от его собственных взглядов, изложенных в иных публикациях, так и от других представителей Чикагской социологической школы. Гораздо более сложная модель города рассмотрена, например, в работах Р. Парка⁶.

⁵ В трактовке европейского средневекового города у авторов ранних модернизационных теорий есть нюансы. Если Теннис подчеркивал в первую очередь его традиционную природу, хотя и отмечал, что признаки семейной организации в нем сохраняются меньше, чем в деревне, то Вебер утверждал, что такие его характеристики, как собственное право, собственный суд и до известной степени автономное управление, способствовали рационализации и тем самым создавали благоприятные условия для развития капитализма [Вебер 2001].

⁶ “В то время как Парк в своих концепциях городского социального порядка и социальной эволюции опирался практически исключительно на Зиммеля, Дюркгейма и Майна, Редфилд и Вирт во многом обращались к Теннису... В то время как работы Парка демонстрируют определенную двойственность в отношении города и городского модерна, Парк определенно в основном выражает приятие городского образа жизни... Однако, в результате обращения к идеям Тенниса, Редфилд и Вирт внесли явный антиурбанизм в чикагскую теорию города” [Wilcox 2006, p. 124].

Для Парка город – это мозаика миров, постоянное диалектическое противоречие процессов сегрегации и “плавильного котла”. Он состоит из соседств (естественных ареалов расселения людей из различных расовых, социальных и культурных групп), каждое из которых – не просто географическое понятие, но “место со своими особыми умонастроениями, традициями и собственной историей” [Парк 2011^а, с. 21]. Взаимоотношения людей в рамках соседства наиболее близки к традиционным. “Каждый естественный ареал имеет или склонен иметь *свои* особые традиции, обычаи, конвенции, стандарты порядочности и приличия” [Парк 2011^б, с. 105], которые Парк называл моральным порядком. При этом нормы и регуляторы в различных соседствах – ареалах – существенно различаются. “В больших городах расхождения в манерах поведения, жизненных стандартах и общих взглядах на жизнь в разных городских ареалах порой поражают воображение” [Парк 2011^с, с. 73]. Парк отмечает особую устойчивость иммигрантских сообществ, которые сохраняют “в более или менее нетронутом виде народные обычаи своих родных стран” [Парк 2011^б, с. 105]. А в некоторых других районах города “сама свобода и отсутствие конвенции являются если уж не конвенцией, то по крайней мере секретом полишинеля”, при этом “осуществляют могущественный внешний контроль общественное мнение и мода” [Парк 2011^б, с. 105–106].

В то же время процесс сегрегации и установления в каждом ареале своего морального порядка постоянно подрывается и нивелируется тенденцией к перемешиванию людей из различных сред и действием механизма “плавильного котла”. “В городской среде соседство все более утрачивает ту значимость, которой оно обладало в более простых и более примитивных обществах. Доступность средств коммуникации и транспорта, позволяющая индивидам распределять свое внимание и жить одновременно в нескольких разных мирах, ведет к разрушению постоянства и интимности соседства” [Парк 2011^а, с. 24]. Так, Парк демонстрирует, что размывание традиционных отношений в мигрантских сообществах связано со стремлением наиболее амбициозных их жителей к пространственной и профессиональной мобильности, что приводит, по его мнению, к тому, что в эмигрантских семьях “во втором поколении социальный контроль, основанный на домашних нравах, рушится” [Парк 2011^а, с. 39].

Подобная модель города, в которой отдельный горожанин не противостоит всем другим с равнодушием и скрытой враждебностью, но структурирует свои отношения с окружающими, выделяя для себя разные среды и круги общения, хотя и вынужден делать это в достаточно сложной социальной среде, уже не выглядит антитезой более поздних концепций, здесь можно наблюдать скорее преемственность. Причем модель Парка задает некую общую рамку, а дальнейшие исследования в большей мере не отрицают, а развивают, уточняют и корректируют ее с учетом специфики конкретных городов.

В-третьих, ранние исследователи модернизации, не связанные жесткими идеологическими императивами, смогли занять критическую позицию в отношении нарождающегося общества модерна, которое у них предстает далеко не в столь идеализированном виде, как у теоретиков модернизации в узком смысле. Собственно, вопрос, на который они, как и другие авторы, критически анализировавшие модерн, вынуждены были отвечать, состоял в том, что связывает между собой атомизированных индивидуумов в социуме, где разрушается опора на кровное родство и вековые устои, соответственно, «где господствует только интерес, ничто не сдерживает сталкивающиеся эгоизмы, каждое “я” находится относительно другого “я” на военном положении, и всякое перемирие в этом вечном антагонизме не может быть долговечным» [Дюркгейм 1996, с. 211]. Наиболее очевидный ответ у всех задававшихся этим вопросом достаточно единообразен – государство. При этом авторы ранних модернизационных теорий отдавали себе отчет в опасностях, связанных с подобным институциональным устройством.

Для Тенниса, негативно настроенного к разрушению традиционных отношений, вполне естествен вывод, что государство, разрывая связь с обычаем и верой, превращается в отчужденную сущность, противостоящую простым людям, пусть даже и формально оно выражает их интересы: «Государство – их враг, оно противостоит им как

чужая и неумолимая сила. Будто бы принадлежащее им самим, будто бы заключающее в себе их волю, оно тем не менее противодействует всем их потребностям и желаниям, стоит на страже собственности, которой они не обладают, принуждает к воинской службе во имя отечества, которое оборачивается для них разве что “очагом и алтарем” в виде отапливаемой комнаты где-нибудь в верхних этажах, или “милой родиной” на камнях уличной мостовой, откуда им открывается зрелище чужого, недостижимого великолепия, тогда как их собственная жизнь... распределяется между тяготами фабричного цеха и удовольствиями трактира» [Теннис 2002, с. 377].

В более сложной ситуации оказывается Э. Дюркгейм, для которого именно модерн порождает не механическую, а органическую солидарность, основанную на разделении труда, обеспечивающем взаимозависимость и взаимодополняемость индивидов. Однако он испытывает определенные трудности с тем, чтобы раскрыть конкретные механизмы подобной органической солидарности, и признает, что она должна поддерживаться внешним социальным вмешательством. Причем масштабы этого вмешательства, по его мнению, не должны снижаться по сравнению с традиционными – “оно не уменьшилось от того, что стало иным” [Дюркгейм 1996, с. 212]. Кто же должен быть субъектом подобного вмешательства? В работе “О разделении общественного труда” Дюркгейм, судя по всему, не видит особых проблем с тем, что эта функция предписывается государству, которое “уполномочено напоминать нам о чувстве общей солидарности” [Дюркгейм 1996, с. 236]. Однако в предисловии ко второму изданию книги этот ответ его уже явно не удовлетворяет. “Общество, состоящее из множества неорганизованных, подобных пыли индивидов, которых гипертрофированно развитое государство силится заключить в свои объятия и удержать в них, представляет собой настоящее социологическое чудовище” [Дюркгейм 1996, с. 34]. Пытаясь найти альтернативные варианты, Дюркгейм фактически приходит к идее о возможностях саморегулирования в рамках гражданского общества как альтернативе государственному вмешательству, когда “между государством и отдельными лицами внедряется целый ряд вторичных групп, достаточно близких к индивидам, чтобы вовлечь их в сферу своего действия и таким образом втянуть их в общий поток социальной жизни” [Дюркгейм 1996, с. 35].

Нельзя сказать, что позиция ранних теоретиков модернизации в данном вопросе полностью оригинальна. Она вполне вписывается в традицию критического восприятия модерна, уже сложившуюся в то время в рамках философского осмысления современности и утверждавшую, что “в мире модерна эмансипация неизбежно превратится в несвободу” [Хабермас 2003, с. 26]. До своего абсолюта эта идея доведена у М. Фуко, который рассматривает роль власти в превращении эмансипации в несвободу как воплощение свойственного модерну стремления к рациональности. “Всепроникающее нормализующее влияние вездесущей дисциплинарной власти... через дрессуру тела превращается в повседневность, более того, формирует измененное моральное представление, которое рождает мотивацию к спланированному труду и упорядоченной жизни” [Хабермас 2003, с. 167]. В результате становится сложно отличить места принудительного содержания – психиатрические лечебницы и тюрьмы – от форм организации повседневной жизни: школ, фабрик, больниц.

Однако, если мы будем сравнивать взгляды ранних теоретиков модернизации с авторами теории модернизации в узком смысле, то обнаружим, что у последних подобная проблематизация полностью отсутствует. Бюрократизация и рационализация рассматривались ими как однозначно прогрессивные тенденции, а возможные сложности и противоречия, связанные с исполнением государством роли проводника модернизации, их не очень занимали. Только по итогам провалов модернизационных экспериментов выяснилось, что элиты часто использовали игру в модернизацию в собственных эгоистических интересах, для удержания власти и распространения коррупции, а не с целью обеспечить светлое будущее гражданам своих стран.

В-четвертых, в ранних теориях модернизации гораздо более подробно, чем во всех остальных, были проработаны вопросы трудностей и противоречий модернизационного перехода. Это до сих пор плохо известный, недооцененный и мало используемый в со-

временных исследованиях аспект данных теорий. Он связан в первую очередь с изучением двух феноменов – дезорганизации (аномии) и культурного конфликта.

В отличие от теоретиков модернизации в узком смысле, авторы ранних модернизационных концепций понимали, что процесс трансформации не может обойтись без издержек: “...всякое социальное изменение, даже то, которое мы описываем как прогресс, предполагает некоторую социальную дезорганизацию” [Парк 2011^с, с. 74]. Вирт, подробно анализировавший это явление, отмечает, что оно связано с институциональным кризисом – кризисом нормативности. “Не бывает общества без этоса, т.е. без разделяемых его членами ценностей, целей, предпочтений и обоснованного ожидания ими того, что все другие будут признавать эти правила общества и будут им подчиняться. Понятие социальной дезорганизации имеет, таким образом, нормативный базис”. Исходя из этого, “степень, в которой члены общества утрачивают свои общие понимания, т.е. степень, в которой подрывается консенсус, есть мера состояния дезорганизации этого общества” [Вирт 2005, с. 193, 194].

Собственно, аналогичное явление Дюркгейм характеризует термином “аномия”. “Прежняя иерархия нарушена, а новая не может сразу установиться. Для того, чтобы люди и вещи заняли в общественном сознании подобающее им место, нужен большой промежуток времени. Пока социальные силы, предоставленные самим себе, не придут в состояние равновесия, относительная ценность их не поддается учету и, следовательно, на некоторое время всякая регламентация оказывается несостоятельной. Никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на все” [Дюркгейм 1994, с. 238].

Это самым деструктивным образом сказывается на состоянии человека: “Аномия... освобождая желания от всякого ограничения, широко открывает дверь иллюзиям, а, следовательно, и разочарованию. Человек, внезапно вырванный из тех условий, к которым он привык, не может не впасть в отчаяние, чувствуя, что из-под ног его ускользает та почва, хозяином которой он себя считал...” [Дюркгейм 1994, с. 273]. Результатом этого может, по Дюркгейму, быть насилие – как по отношению к себе (самоубийство), так и по отношению к другому (убийство) – в зависимости от того, кто обвиняется человеком в сложившейся ситуации.

Для Дюркгейма и для Парка, который тоже останавливался, хотя достаточно вскользь, на характеристике этого феномена, дезорганизация/аномия – явление временное, переходное, как и эмансипирующее, так и чрезвычайно болезненное. “Когда... рушится традиционная организация общества, результатом оказывается, так сказать, эмансипация индивидуального человека. Энергии, которые контролировались раньше обычаем и традицией, высвобождаются. Индивид становится свободным для новых приключений, но вместе с тем более или менее неуправляемым и неконтролируемым... [Н]о за этим освобождением в конце концов неизбежно следует реинтеграция освобожденных индивидов в новый социальный порядок” [Парк 2011^д, с. 229].

Вирт же явно колеблется, приписывать ли дезорганизацию процессу резких перемен или городу как таковому. Основной тип социальной дезорганизации, по его мнению, “характеризуется конфликтом между нормами”, что происходит “в обществах, оказавшихся в состоянии быстрого или внезапного изменения вследствие миграции, изменения в технологии или базисе жизнеобеспечения, вхождения в контакт с чужими группами или вовлечения в орбиту современной цивилизации” [Вирт 2005, с. 195].

Однако он видит источник дезорганизации и в структуре большого города как такового. “Взаимопроникновение различных этнических и культурных групп в городском мире привело к необычайному умножению ценностных систем, каждая из которых обязательна только для какого-то сегмента населения и для индивидов в особых сегментах их жизненного круга. Простое умножение норм вкупе с тенденцией сегментации жизни повышает шансы того, что нормы, оказывающие на индивидов обязывающее воздействие, будут порождать конфликты и напряжения” [Вирт 2005, с. 196]. Именно последняя трактовка воспроизводится им в ставшей классической работе “Урбанизм как образ жизни”.

Парк предпочитает называть столкновение различных норм и моральных порядков внутри города культурным конфликтом, который, с его точки зрения, является необходимым этапом интеграции мигрантских сообществ в городскую среду, элементом “плавильного котла”. “Биографические документы иммигрантов... показали нам природу и степень тех внутренних моральных конфликтов, которым подвержены иммигранты, а также их дети в процессе перехода из культурной традиции родной страны в культурную традицию новой” [Парк 2011^е, с. 215]. Так, сигналы, получаемые индивидом со стороны семьи и от более широкого окружения в случае переезда из эмигрантского гетто в более смешанный район, перестают совпадать. И это серьезно сказывается на социализации подростков. Парк утверждает, что «одна из причин подростковой делинквентности, особенно среди иммигрантов, состоит в трудности поддержания семейной дисциплины в “смешанном сообществе”, т.е. сообществе, где семейные нравы не поддерживаются обычаем и традицией» [Парк 2011^е, с. 215].

Кроме того, мигрант, пытающийся продвинуться в жизни, воспринимается окружающим местным населением как чужак и сталкивается с негативизмом с его стороны. “Человек или класс, стремящийся подняться с низкого на более высокий культурный уровень, иммигрант, стремящийся обосноваться в чужом сообществе, сталкиваются с дискриминацией и предрассудками, так как отождествляются с расой или национальностью, которую коренные народы считают низшей, – низшей главным образом потому, что она другая” [Парк 2011^е, с. 211].

Есть ли противоядие против разрушительного воздействия аномии и культурного конфликта на недавнего горожанина, попавшего в хаос модернизационного перехода? Обсуждение этого вопроса Парком и Виртом представляет особый интерес.

Парк в этой связи обращает первоочередное внимание на “попытки меньшинства самоутвердиться в ответ на предрассудки”. “Подъем националистических и расовых движений внутри государства, как и возникновение сект и религиозных орденов внутри церкви, поражает меня как естественное и здоровое нарушение социальной рутины, результатом которого становятся пробуждение в затронутых им людях живого чувства общей задачи и возникновение у тех, кто чувствует себя угнетенными, воодушевления общим делом... Внутри своей секты или национальности индивиды чувствуют безопасность и собственное достоинство, которых вовне они лишены. В худшем случае, сектант или националист могут стать религиозными мучениками или национальными героями. И наконец, новый религиозный орден внутри церкви и новая национальность внутри государственной империи склонны в большинстве случаев создавать новое общество со своими особыми кодексом и культурой... С другой стороны, когда культурные конфликты не пробуждают массовых движений, они обычно выражаются в семейной дезорганизации, делинквентности и функциональных расстройствах индивидуальной души” [Парк 2011^е, с. 213–214].

Вирт останавливается на роли идеологии как одном из способов достижения консенсуса в обществе, ушедшем от авторитета традиции, наряду с другими – законами, предписаниями, системой образования, пропагандой. “По мере того, как подрывается вера в незыблемую правильность наших норм, на помощь поставленным под угрозу институтам и ценностям приходят поддерживающие их идеологии. Идеологии освящают действия и институты, на которые не распространяются обычные нормы, и выступают, условно говоря, суррогатами обычая и традиции” [Вирт 2005, с. 197]. По Вирту, идеологии в такой ситуации выполняют следующие функции:

- “служат ориентирами, помогающими нам прокладывать путь в социальном мире, который иначе был бы хаотичным”;
- “позволяют нам идентифицироваться с социальными движениями и группами”;
- “помогают нам уменьшить избыточную индивидуализацию и безразличие в отношении социальных проблем, снабжая нас целями, вокруг которых могли бы интегрироваться более или менее отчетливо выраженные группы” [Вирт 2005, с. 192].

В то же время способность идеологии противостоять дезорганизации в городских условиях ограничена. Вирт связывает это с противоречивыми интересами различных

групп, с ригидностью самих идеологий, а также с психологическими особенностями жителей большого города, которые мы сейчас назвали бы дефицитом социального капитала. “Каждая вера подозрительна, ни один пророк не считается непогрешимым, ни один лидер – искренним, ни одно убежище – непоколебимым. Мы культивируем отсутствие доверия по отношению к тем, кто является нашими партнерами и лидерами, мы приватизируем свое существование” [Bipm 2005, с. 206].

По сути, Парк и Вирт говорят о нескольких различных вещах. Парк фактически характеризует протестные движения и свойственные им взгляды. Вирт в исходном послыле имеет в виду в первую очередь государственную идеологию, хотя его дальнейшие рассуждения имеют отношение к более широкому кругу явлений и в принципе столь же применимы к протестным идеологиям. При этом в совокупности данные положения раскрывают чрезвычайно интересную характеристику модернизационного перехода, хорошо согласующуюся с анализом практики – распространение в этот период идеологий, в том числе радикальных.

Теоретики модернизации в узком смысле не обращали особого внимания на рассмотренные выше сложности и конфликты модернизационного перехода. Лишь после краха модернизационной теории было признано, что все критерии и индексы модернизации не обеспечивали институциональной среды, позволяющей справиться с новыми вызовами. “Стало ясно, что просто разрушение традиционных форм не обеспечивало с необходимостью развитие нового жизнеспособного современного общества, и очень часто разрушение традиционных установлений – будь то семья, сообщество или даже иногда политические установления – скорее вело к дезорганизации, делинквентности и хаосу, чем к установлению жизнеспособного современного порядка” [Eisenstadt 1973, p. 99]. Причем это связывалось с ситуацией, когда появление различных независимых групп сопровождалось “недостатком развития новых адекватных норм, которые по меньшей мере ограничивали бы эти группы и которые помогали бы регулировать их взаимоотношения” [Eisenstadt 1973, p. 55]. Что касается идеологий и общественных движений как способа противостояния аномии⁷, то этот сюжет в общественных науках возникал лишь эпизодически и не получил особого развития. Однако о том, что произошло с модернизационной теорией в узком смысле, о путях ее современного развития – в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. (2001) История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле.
Вирт Л. (2005) Идеологические аспекты социальной дезорганизации // Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН РАН. С. 192–208.
Гордон А.В. (2004) Самуэль Хантингтон и его концепция политической модернизации // Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. С. 3–18.
Дюркгейм Э. (1994) Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль.
Дюркгейм Э. (1996) О разделении общественного труда. М.: Канон.
Зарубина Н.Н. (1997) Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) // Социологические исследования. № 4. С. 46–54.
Матц У. (1992) Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // ПОЛИС. № 1. С. 130–142.

⁷ Примером может служить статья У. Матца “Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна”, где он утверждал, что идеологиями являются лишь такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии. При этом Матц считает аномию неотъемлемой характеристикой культуры модерна и рассматривает идеологии и как терапию, и как патологию. “Коротко говоря, идеологии нацелены на то, чтобы путем достижения, соответственно, своего собственного господства восстановить *societas perfecta*. Их трагедия в том, что данной цели они не достигают, а вместо этого надолго, вплоть до сегодняшнего дня, утверждают в виде конфликта идеологий фундаментальный конфликт тех религиозных противоборств, что находятся у истоков их развития” [Matz 1992, с. 140].

- Норт Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала".
- Парк Р.Э. (2011^a) Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН. С. 19–56.
- Парк Р.Э. (2011^c) Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН. С. 66–79.
- Парк Р.Э. (2011^e) Личность и культурный конфликт // Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН. С. 201–216.
- Парк Р.Э. (2011^b) Социология, сообщество и общество // Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН. С. 80–114.
- Парк Р.Э. (2011^d) Человеческая миграция и маргинальный человек // Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН. С. 223–235.
- Теннис Ф. (2002) Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль.
- Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир.
- Хантингтон С. (2004) Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция.
- Eisenstadt S.N. (1973) Tradition, Change, and Modernity. New York: John Wiley&Sons.
- Gilman N. (2003) Mandarins of the Future. Modernization theory in Cold War America. Baltimore. The Johns Hopkins Univ. Press.
- Lewis O. (1973) Some Perspectives on Urbanization with Special Reference to Mexico City // Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization. New York; London; Toronto: Oxford Univ. Press. Pp. 125–138.
- Redfield R. (1947) The Folk Society // The American Journal of Sociology. Vol. 52. No 4. January. Pp. 293–308.
- Rostow W.W. (1964) The View from the Seventh Floor. New York: Harper and Row.
- Southall A. (1973) Introduction // Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization. New York; London; Toronto: Oxford Univ. Press. P. 3–14.
- Tipps D. (1973) Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A critical perspective // Comparative Studies of Society and History, Vol. 15. No. 2. Pp. 199–226.
- Wilcox C. (2006) Robert Redfield and the Development of American Anthropology. Lanham: Lexington Books.
- Wirth L. (1938) Urbanism as a Way of Life // The American Journal of Sociology. Vol. 44. No. 1. Pp. 1–24.

Drama of Modernization Theory. Article 1. Modernization as a Recipe and a Problem

*I. STARODUBROVSKAYA**

***Starodubrovskaya Irina** – Candidate of Science (Economics), Department Director “Political Economy and Regional Development” of Gaidar Institute for Economic Policy Address: 3-5, build. 1, Gazetny per., Moscow 125009, Russia. E-mail: irinas@iet.ru.

Abstract

The article is devoted to the dramatic history of modernization theories on two of its stages: modernization theory in the narrow sense, which was formed in the United States after the Second World War, and early modernization theories of last third of XIX – first half of XX centuries. It is argued that the main shortcoming of the modernization theory in the narrow sense was the attempt to use it as a universal prescription for development. The author demonstrates that crisis of modernization theory in the narrow sense lead to the underestimation and distorted understanding of the early modernization theories. As a result, their potential is not properly used. It can be attributed to such problem as relationship between urbanization and modernization as well as to the analysis of troubles and conflicts of transition to modernity.

Keywords: modernization, traditional society, modern society, urbanization, anomie, cultural conflict.

REFERENCES

- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the Division of Labor in Society]. Moscow: Kanon.
- Durkheim E. (1994) *Samoubiystvo. Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a Study in Sociology]. Moscow: Misl'.
- Eisenstadt S.N. (1973) *Tradition, Change, and Modernity*. New York: John Wiley&Sons.
- Gilman N. (2003) *Mandarins of the Future. Modernization theory in Cold War America*. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press.
- Gordon A.V. (2004) *Samuel' Hantington i yego kontseptsiya politicheskoy modernizatsii* [Samuel Huntington and his Concept of Political Modernization]. Hantington S. Politicheskii poryadok v menyaushchikhsya obshchestvakh. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 3–18.
- Habermas J. (2003) *Filosofskii diskurs o moderne* [Philosophical Discourse on Modernity]. Moscow: Ves' mir.
- Huntington S. (2004) *Politicheskii poryadok v menyaushchikhsya obshchestvakh* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Lewis O. (1973) *Some Perspectives on Urbanization with Special Reference to Mexico City* [Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization]. New York, London, Toronto: Oxford Univ. Press, pp. 125–138.
- Mats U. (1992) Ideologii kak determinant politiki v epohu moderna [Ideologies as Determinant of Policy in Modern Epoch]. *POLIS*, no. 1, pp. 130–142.
- Park R.E. (2011^d) Chelovecheskaya migratsiya i marginalnyi chelovek [Human migration and the marginal man]. Park R.E. *Izbranniye ocherki*. Moscow: INION RAN, pp. 223–235.
- Park R.E. (2011^b) Gorod: Predlozhenia po issledovaniyu chelovecheskogo povedeniya v gorodskoy srede [The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment]. Park R.E. *Izbranniye ocherki*. Moscow: INION RAN, pp. 19–56.
- Park R.E. (2011^c) Gorodskoye soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moralnyi poryadok [The urban community as a spatial pattern and a moral order]. Park R.E. *Izbranniye ocherki*. Moscow: INION RAN, pp. 66–79.
- Park R.E. (2011^e) Lichnost' i kulturniy konflikt [Personality and cultural conflict]. Park R.E. *Izbranniye ocherki*. Moscow: INION RAN, pp. 201–216.
- Park R.E. (2011^b) Sotsiologiya, soobshchestvo i obshchestvo [Sociology, community and society]. Park R.E. *Izbranniye ocherki*. Moscow: INION RAN, pp. 80–114.
- Redfield R. (1947) The Folk Society. *The American Journal of Sociology*, vol. 52, no. 4, January, pp. 293–308.
- Rostow W.W. (1964) *The View from the Seventh Floor*. New York: Harper and Row.
- Southall A. (1973) Introduction. *Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization*. New York, London, Toronto: Oxford Univ. Press, pp. 3–14.
- Tennis F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Tipps D. (1973) Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A critical perspective. *Comparative Studies of Society and History*, vol. 15, no. 2, pp. 199–226.
- Weber M. (2001) *Istoriya khozyaystva. Gorod* [History of Economy City]. Moscow: Kanon-Press-Tse, Kuchkovo Pole.
- Wilcox C. (2006) *Robert Redfield and the Development of American Anthropology*. Lanham: Lexington Books.
- Wirth L. (2005) Ideologicheskiye aspekty sotsialnoy desorganizatsii [Ideological Aspects of Social Disorganization]. Wirth L. *Izbranniye raboti po sotsiologii. Sbornik perevodov*. Moscow: INION, pp. 192–208.
- Wirth L. (1938) Urbanism as a Way of Life. *The American Journal of Sociology*, vol. 44, no. 1, pp. 1–24.
- Zarubina N.N. (1997) Modernizatsiya i hozyaystvennaya kultura (kontseptsiya M. Webera i sovremennyye teorii razvitiya) [Modernization and Economic Culture (conception of M. Weber and modern theories of development)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 4, pp. 46–54.